УДК 140.8(821.511.152)

АВТОРСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В РОМАНЕ К. АБРАМОВА «СТЕПАН ЭРЬЗЯ»

АНТОНОВА Вера Ивановна,
доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, РФ), belkich@rambler.ru

ГОЛЯКОВ Андрей Николаевич,
аспирант кафедры финно-угорских литератур
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, РФ), moscow-kremlin777@list.ru

МИШАНИН Юрий Александрович,
доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, РФ), filfak.mgu@mail.ru

Введение. В статье подчеркивается, что важнейшим средством отражения облика Степана Нефедова (Эрьзи) в одноименном романе К. Абрамова стало глубокое, продуманное воссоздание национальной картины мира, социокультурного, нравственного и бытового фона времени, в котором жил скульптор. Проблема авторского осмысления национальной картины мира в названном произведении сегодня вызывает интерес ученых многих научных направлений. Всесторонний анализ данного вопроса имеет важнейшее значение для современной литературы, поскольку любой художественный контекст нуждается в разноаспектном изучении. Объект исследования – роман-трилогия К. Абрамова «Степан Эрьзя» как самобытное эстетическое явление в национально-культурном дискурсе Мордовии, предмет – специфика индивидуально-авторского отражения национальной картины мира в романе К. Абрамова в разрезе проблем национальной идентичности и этнического мировоззрения. Цель работы – рассмотрение характера авторского осмысления национальной картины мира в романе «Степан Эрьзя».

Материалы и методы. Эмпирическим материалом работы выступает роман-трилогия К. Абрамова «Степан Эрьзя». Достоверность и научная обоснованность результатов обеспечиваются как традиционными методами (сравнительным, типологическим, историческим и др.), так и современными подходами гуманитарного профиля к изучению конкретных художественных фактов и образов (контекстуальным, культурологическим, информациологическим и др.); обширностью эмпирической базы исследования, составленной с помощью репрезентативного отбора исходного материала и его последующей корректной интерпретации; соотнесенностью авторских тезисов с общепризнанными положениями и выводами в области истории, теории и практики литературоведения с учетом специфических особенностей историко-биографических произведений.

Результаты исследования и их обсуждение. Проанализировав национальную самобытность произведения К. Абрамова, можно сделать вывод, что у любого этноса, любой культурной целостности существует «собственный склад мышления», предопределяющий национальную картину мира. Сообразно данному тезису, в понимании авторов, национальная картина мира – это осознанное представление о мире, мифологии, философии, языке, этнологии, фольклоре конкретного народа, укладе его общественной, хозяйственной, семейной жизни, сложившихся под воздействием эпохи, среды, условий обитания, культурно-исторического развития, психологических особенностей национального характера, влияния религиозных систем миропонимания и др.

Заключение. В романе-трилогии «Степан Эрьзя» проявилось национальное мировидение К. Абрамова, отображены индивидуальное, личностное «я» и этноментальный характер народа, его картина мира. Социально-культурную основу для этнической стилизации произведения сформировало национальное сознание писателя, его мировидение; формой данного явления служат как систематика романа (от сюжетной до композиционной составляющей), так и образы героев, воплотившие национальную сущность.

Ключевые слова: авторское осмысление; картина мира; литература; нация; самосознание; проблема; самобытная культура; роман.

Для цитирования: Антонова В. И., Голяков А. Н., Мишанин Ю. А. Авторское осмысление национальной картины мира в романе К. Абрамова «Степан Эрьзя» // Финно-угорский мир. 2017. № 2. С. 6–19.

Введение

Историко-биографический роман-трилогия К. Абрамова «Степан Эрьзя», посвященный великому скульптору, – новаторское произведение мордовской литературы с точки зрения «человеческого» и событийного материала. Образ Эрьзи – идейный и композиционный стержень повествования, к нему стягиваются все сюжетные линии, с ним соотносятся обстоятельства жизни, природа, взаимоотноше-

 © Антонова В. И., Голяков А. Н., Мишанин Ю. А., 2017

ния, обширный ряд мужских и женских персонажей – семья, друзья, земляки, художники, скульпторы. Важнейшим средством отражения облика Степана Нефедова (Эрьзи) в книге стало глубокое, продуманное воссоздание писателем национальной картины мира, социокультурного, нравственного и бытового фона времени, в котором жил скульптор. Проблема авторского осмысления национальной картины мира в данном романе сегодня вызывает интерес ученых многих научных направлений. Ее всесторонний анализ имеет огромное значение для современной литературы, поскольку любой художественный контекст нуждается в разноаспектном изучении.

Объектом настоящего исследования выступает роман-трилогия К. Абрамова «Степан Эрьзя» как самобытное эстетическое явление в национально-культурном дискурсе Мордовии, предметом – специфика индивидуально-авторского отражения национальной картины мира в романе Абрамова в разрезе проблем национальной идентичности и этнического мировоззрения. Цель работы заключается в рассмотрении характера авторского осмысления национальной картины мира в романе «Степан Эрьзя». Научная новизна определяется тем, что статья представляет собой первую в мордовском литературоведении работу, посвященную осмыслению проблемы национальной картины мира сквозь призму этноментального жизневосприятия писателя на материале романа Абрамова «Степан Эрьзя».

Обзор литературы

При всем многообразии мнений по проблемам исследования национальной парадигмы, осмысления характерных черт персонажей в творчестве Абрамова целостный монографический труд, посвященный национальной картине мира в ракурсе мировидения писателя, в современном литературоведении Мордовии отсутствует. Отдельные аспекты этого вопроса затрагиваются в биографическом очерке В. М. Забавиной «Кузьма Григорьевич Абрамов (Очерк жизни и творчества)»; в диссертации В. С. Нурдыгиной «Творчество К. Г. Абрамова», изучавшей творческие вехи писателя; в работе «Судьба народная – судьба человеческая» А. В. Алешкина о проблемах концепта «судьба человека» в мордовской литературе; в книге А. И. Брыжинского «Современная мордовская проза: движение жанра», отразившего вопросы жанрообразования романа; в диссертации «Проблема национальной парадигмы в интерпретации образа всемирно известного скульптора С. Д. Эрьзи» Н. В. Резеповой, попытавшейся собрать все художественные произведения о жизни и творчестве Степана Эрьзи, проанализировать наиболее интересные факты биографии и творческий путь скульптора как представителя мордовского народа; в диссертации Е. А. Шароновой «Проблемы русско-мордовских взаимосвязей в исторической прозе К. Г. Абрамова», рассматривавшей устойчивые жанровые признаки отечественной исторической прозы, проявившиеся в мордовской литературе; в сочинениях В. К. Абрамова, основывавшегося прежде всего на биографическом мониторинге писателя, и др. Однако многие аспекты специфики воссоздания картины мира этноса в романе «Степан Эрьзя» оказываются на периферии научных интересов. Данная статья призвана восполнить этот пробел.

Материалы и методы

Материалом для работы послужил роман-трилогия Абрамова «Степан Эрьзя». Достоверность и научная обоснованность выводов обеспечиваются как традиционными научными методами (сравнительным, типологическим, историческим и др.), так и современными подходами гуманитарного профиля к исследованию художественных фактов и образов (контекстуальным, культурологическим, информациологическим и т. п.), что позволяет добиться конкретных результатов в заданной области; обширностью эмпирической базы, составленной с помощью репрезентативного отбора исходного материала и его последующей корректной интерпретации; соотнесенностью авторских тезисов с общепризнанными положениями в области истории, теории и практики литерату-

роведения с учетом специфических особенностей историко-биографических произведений.

Каждый писатель по-своему представляет метафизику народного духа, связь прошлого, настоящего и будущего этноса. Опыт народа, нравственные постулаты, выработанная им система ценностей являются в художественной прозе мощным средством сохранения главного стержня – национального самосознания, самоуважения и достоинства. Закономерно, что исследователи активно обращаются к проблеме национального феномена в литературе. Так, В. Н. Захаров обосновывает необходимость создания особой научной дисциплины – этнопоэтики, которая должна изучать национальное своеобразие конкретных литератур, их место в мировом художественном процессе [7, *90*]. Е. А. Малкина выделяет неизменные типологические основы структуры этнолитератур: символическую образность, ценностный аспект, пространственно-временные характеристики картины мира, архетипическую доминанту образов, связанных с отражением национальной картины мира [9, *12*]. И. Е. Есаулов обнаруживает реконструкцию в литературе этнических типов мышления, поведения и отношения, национального характера народа [6]. С. В. Шеянова, говоря о своеобразии мордовского романа, подчеркивает, что его художественная концепция «…определяется воссозданием “национальной картины мира” во всем ее многообразии и самобытности, гармоничными связями национально неповторимого и всеобщего универсального. Художественные поиски современных писателей подводят к констатации истины: творческое утверждение национального и есть утверждение общечеловеческого» [12, *130*].

Существование национальных картин мира признается большинством ученых. Так, М. М. Маковский считает, что картина мира – это «…глобальный образ мира, репрезентирующий его свойства в том виде, в котором они осмысляются носителями, и являющийся интеграцией всех моментов психической жизни человека как представителя того или иного этноса на той или иной ступени их развития» [8, *36–53*]. Н. Д. Арутюнова указывает, что всякая картина мира «…отражает мир человека в его национально-специфических вариантах» [2, *87*]. В. И. Постовалова определяет ее как «…исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека… субъективный образ объективной реальности» [10, *48*]. Объяснение данного понятия находим у Ю. В. Чернявской, утверждающей, что «картина мира – это целостная система представлений о реальности, которая создается в умах членов этнической общности благодаря самосознанию и ментальности, т. е. их культурно-психологическая реализация… это неотъемлемый компонент национального характера, столь же необходимая составляющая этнонационального и – шире – общественного сознания… порождение этнонациональной культуры и всего предшествующего опыта данного народа. <…> Национальная картина мира как особое взаимодействие человека с окружающим его миром представляет собой систему сведений, знаний, представлений о мире, которые заложены в мифологии, философии, языке, этнологии, фольклоре каждого народа» [11, *48–57*].

В подтверждение данного тезиса приведем слова А. Л. Эбаноидзе, который, говоря о романе «Степан Эрьзя», подчеркивает, что главная задача писателя – «…выявление национального своеобразия и предъявление его миру». Более того, «национальной литературы нет вне национального языка, в определенном смысле она – продукт языка, его глубокомудрое дитя и как таковое несет в себе генетический код, символы и знаки национальной прапамяти» [13, *208*]. С. В. Шеянова, исследуя современный роман в аспекте национальной парадигмы, отмечает: «В художественной практике мордовской литературы выявляется стремление писателей отразить глобальные катаклизмы бытия человека, показать при этом его национально-культурный менталитет, ценности, составляющие ядро его ментальности, раскрыть нравственно-этическую и духовную жизнь…». Одним из элементов «эстетического целого» мордовского

романа она считает «ценности материальной и духовной культуры» народа, создающие «национально-эстетический колорит эпического пространства», раскрывающие «философию» этноса. Именно они «становятся художественным средством стилизации текста… выражают национальное в тесной взаимосвязи с индивидуальным и общечеловеческим» [12, *88*].

Результаты исследования и их обсуждение

Историко-биографический роман-трилогия К. Абрамова «Степан Эрьзя» – новаторское произведение мордовской литературы. Его героями являются подлинные лица, выступающие под собственными именами и фамилиями. Главное в книге – личность скульптора, процессы его духовно-нравственного и профессионального становления. Это идейный и композиционный стержень повествования.

В романе воспроизведены «народный дух эпохи», идейно-политические и общественные коллизии. Автор реалистически передает этнокультурный фон, ментальный облик мордовского народа на определенном хронологическом отрезке. Национальное своеобразие, мироощущение, эстетические и нравственно-этические нормы, которые заложены традициями, культурой, мифопоэтикой, религиозными верованиями, воспринятые через призму категории «народ», послужили для писателя основой концепции мира и человека. Книга – яркое свидетельство национальной литературы. Совершенно права С. В. Шеянова, подчеркивая, что «…мордовский роман глубоко национален». Одной из составляющих его эстетического целого выступают, по мнению исследователя, ценности материальной и духовной культуры, в трансформированной форме интегрированные в романный нарратив. Они создают национально-эстетический колорит эпического пространства, раскрывают философию этноса, становятся художественным средством стилизации текста и конструктивным способом организации сюжетно-композиционной системы, выражают национальное в тесной взаимосвязи с индивидуальным и общечеловеческим [12, *189*].

Данная позиция созвучна со словами Н. В. Гоголя, который писал о национальной специфике литературы: «...истинная народность состоит… в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами» [5, *34*]. Речь идет об особом художественном видении мастеров слова. «Дух народа» определяет точку зрения автора литературного произведения, хотя вектор видения может быть тем или другим; глубинный «образ мыслей и чувствований» не поддается внешней унификации и, очевидно, не может быть описан без остатка, как не может быть вполне рационализирован и каталогизирован «дух народа».

Как бы вторя великому предшественнику, Н. А. Бердяев утверждает, что культура, как и литература, не может быть «отвлеченно-человеческой», она «…всегда... национальная, индивидуально-народная и лишь в таком своем качестве восходящая до общечеловечности» [4, *44*]. Кроме того, он указывает на важность для любого писателя географического фактора. Историческая родина, которая характеризуется определенной экологией, отличает «нас» от «не нас» в территориальном отношении. Ученый обращает внимание на природу, ландшафт, в которых формируются этничность, социальные черты национального сознания. «Есть соответствие между необъятностью, безгранностью, бесконечностью… земли и… души, между географией физической и географией душевной. В душе… народа есть такая же необъятность, безгранность, устремленность в бесконечность…» [4, *81*]. Реализацию названных детерминант мы отчетливо видим в произведении Абрамова.

Реалии национальной жизни с первых страниц книги свободно и широко представлены в романе. Писатель вводит читателя в тяжелый, неторопливый, размеренный ритм жизни небольшого эрзян-

ского села, посвящает в труды и заботы простой крестьянской семьи, в непритязательных сценах дает возможность почувствовать неповторимый колорит природы, намечает типы характеров. В первой книге на социально-бытовом материале, воссоздающем яркие картины народных будней, эстетического и нравственного мира людей из глухой деревни, проявляется та художественная основа народной жизни, которая взрастила корни таланта Эрьзи как творца высокого искусства.

Кузьма Абрамов – эрзя по национальности. Возможно, именно по этой причине ему как писателю так близки, интересны не только природа, но и этимологические корни эрзянского этноса. Он с возмущением и болью говорит о фактах угнетения родного народа, например в отрывке о притеснении мордовского населения. Начальство Алатырского уезда составляли русские. Они не считались с эрзянами, которые не знали русский язык, не умели ни писать, ни читать. Когда же на Крещение в лесу замерз человек, чтобы его похоронить, односельчанам нужно было дать взятку чину из полицейского управления: «Без взятки их могли заподозрить в убийстве. С этим приходилось мириться населению» [1, *239*].

При прочтении романа обращает на себя внимание ощущение органичной сопричастности судьбы писателя к судьбе главного героя – Степана Эрьзи. Это правомерно, поскольку двух Мастеров эрзянской культуры – писателя и художника – многое связывает: принадлежность к одной национальности, территория, место рождения, язык, обстановка, в которой они выросли, образ жизни, культура, традиции, верования. Кузьма Абрамов, как и Степан Нефедов, эрзя. Они родились в территориальных периметрах, находящихся в относительной близости: соответственно в Большеберезниковском и Ардатовском районах Мордовии. Оба выходцы из крестьянских семей. Главное, что сближает эти фигуры, – любовь к родному краю, гордость за малую родину, за то, что они являются достойными потомками славного, сурового, многогранного и талантливого эрзянского народа.

На протяжении произведения автор неоднократно вставляет диалоги о национальности главного героя. Для примера приведем его разговор с напарником у иконописца Ковалинского в Казани, куда Степан приехал учиться:

«– Издалека тебя прибило в Казань? Не вздумай врать, я сразу догадался, что ты парень нездешний. Ты кто – чуваш?

– Я – эрзянин! – Сказал Степан.

– Эрзянин? Подох бы сегодня утром и никто не узнал бы, что на свете живут какие-то эрзяне. …А где ихняя земля?

– По реке Суре. Слышал такую реку?

– Ей-богу, никогда не слышал. Знаю русских, татар, чувашей. И про цыган знаю. Про эрзян не знаю…» [1, *424*].

Немногие в то далекое время слышали об эрзянском народе и знали, где и как он живет. Это сильно удивляет и удручает главного героя, уверенного в том, что «все люди на земле» – эрзяне. Вот и Ковалинский, у которого Степан жил и работал наемным художником, долго и дотошно допрашивал юношу:

«– Степа… никак не пойму, кто ты? Не то чуваш. Не то черемис…

– Я – эрзя, – сказал Степан.

– Эрзя? Ты извини, но я что-то не слышал о таком народе. Где ваша земля?» [1, *439*].

В следующем диалоге речь юноши бессвязная, сбивчивая. Ему и самому неведомо, где территориально проживают эрзяне. Его раздражает тон собеседника, который ничего не слышал о народе эрзя и ничего о нем не знает. Поэтому, видимо, реакция Степана кажется нелогичной, напряженной, наивной, ведь он пытается доказать «несведущему человеку», что эрзяне – везде и всюду, все их знают, все люди понимают их речь:

«– Есть река Сура. Вот по этой реке. Да эрзян много и в Казани. А вот стояли в Нижнем, я слышал, как на пристани разговаривали по-эрзянски. Значит, они есть и там. Когда я был маленьким, мне казалось, что эрзяне живут по всей России, везде – по городам и селам, думал, что и царь в Петербурге тоже эрзянский человек, а рус-

ские только учителя, попы, да становые приставы. Татары, думал, торговцы… Эрзян еще иначе называют мордвой.

– Ах, вот как!.. Ну, тогда я про вас слышал, извиняюсь. Да, да, слышал. Говорят, мордовцы не обманывают, не воруют, это так?» [1, *439*].

Слова Степана поражают собеседника резкостью и решительностью: «Не знаю, как в других местах, у нас в Баевке нет…» [1, *439*]. Несмотря на то, что герой не может дать четких, логичных ответов на все вопросы, в его рассказе сквозит безотчетная гордость молодого, морально неокрепшего человека за свой народ, национальность, за природу, которую он так любил, лелеял, отразил в своих работах, за близких ему людей.

Большую роль в формировании национального колорита произведения играет описание природы. Это оправдано, поскольку географическая аналогия края создает базис исторической жизни народа, что в свою очередь влияет на темы, проблемы литературы, порождает различие, многообразие художественных образов. По мере того как из народности формируется нация и кристаллизуется общность духовного склада этноса, национальная самобытность начинает проявляться уже не только в трудовых и бытовых обычаях и представлениях, но и в особенностях восприятия природы. Национальный параметр произведения динамичен, но изменения не происходят молниеносно, они имеют временную дистанцию.

Все пространство романа проникнуто мотивами национального своеобразия того места, которое явилось отправной точкой для будущего гения. И хотя читатель не может увидеть многоцветную картину художественного повествования, украшенную полифонией стилистических тропов, эмоциональности, ее реализм достигается за счет лаконичности, точности воспроизведения. Автор описывает баевскую местность правдиво, несколько грубовато, но скрупулезно. Для этого он выбирает несколько серые, скучные определения: «застиранное», «мутный», «побуревший», «взъерошенными» и пр. Используя подобный стиль изложения, Абрамов пытается наглядно представить нелегкую участь крестьян, находившихся под гнетом царского самодержавия; ввести читателя в трудный для героя период времени: «Небо на востоке синевато-бледное, словно застиранное. Где-то за плотным слоем облаков восходит солнце. Его мутный, жидкий свет понемногу стал рассеиваться по мокрым полям». Впечатление тоскливости усиливается следующими строками: «Всю ночь беспрестанно лил дождь. Он идет и сейчас, мелкий, словно сквозь тонкое сито. На полях несжатая рожь побурела и полегла. Да и сжатая в скирдах и крестцах тоже мокнет. Посреди полей – небольшое село. Его маленькие бревенчатые избы со стороны кажутся взъерошенными ветром копнами старой соломы. Перед избами – корявые ветлы. Если бы не эти ветлы, можно было бы подумать, что нет никакого села, а раскинулись одни лишь поля…» [1, *6*].

В данном фрагменте хорошо виден прием художественной аллюзии: писатель намекает на известные факты из жизни эрзян, однако не конкретизирует их. Именно такой творческий подход помогает ему окунуть читателя в атмосферу суровой деревенской жизни. Абрамов скуп на краски; его пейзажи хотя и реалистичны, но несколько серы, монотонны. Конечно, этим автор акцентирует внимание на безрадостной жизни героя в детстве, ее скудности и бедности.

С одной стороны, слово Абрамова, словно отточенный до блеска резец Степана Эрьзи, как бы «вырубает» скупыми, порой даже грубыми, эпитетами, метафорами реальную действительность родного края. Возможно, оттого и «нарисованный» писателем пейзаж получается таким точным, напряженным, суровым, детализированным. Это происходит и потому, что отсутствуют «напрасные, лишние» красивые выражения при обрамлении самого существенного: бледность картины обусловлена бедностью населения, его притеснением помещиками, социально-экономической обстановкой того времени. Литератор суров и безжалостен в обращении с художественным словом несмотря на то, что до боли,

до слез влюблен в привычную природу средней полосы России.

С другой стороны, даже в скупых метафоричных выражениях сквозит сердечное отношение к родному краю. Чувствуются трагические нотки, свидетельствующие о том, что автор вместе со своим героем сочувствует крестьянам, понимает их и сопереживает с ними их нелегкую участь. При этом романист нередко бывает лиричным, эмоциональным, тонким: «В утреннем бледном свете снег казался почти синим, словно разбавленное водой молоко… Нижние кромки белых облаков были слегка подкрашены бледно-лиловыми отсветами… От ночного заморозка по краям тропы снег затвердел, а на тропе образовался ледок, резко выделявшийся на ровной белизне конопляника...» [1, *138–139*].

В многочисленных пейзажных зарисовках Абрамов проявляется как интроспективный, лирический писатель, смело использующий изобразительные средства эмоционально-образного воздействия. Функциональный смысл «пейзажных моментов» в произведении полифоничен. Именно они создают конкретную эмоциональную атмосферу, способствуют раскрытию душевных качеств персонажей. Заслуга литератора как художественного биографа Эрьзи состоит в том, что мир души и мир творчества скульптора он пытается понять и осмыслить не только на основе собственного видения малой Родины, но и сквозь призму мироощущения родного села Нефедовым.

«Родина» для писателя не высокопарное и бессмысленное слово. Это и лес, и речка через овраг, и ветла, и старинное, с резными наличниками на избах, эрзянское село Баево, где герой родился, впервые увидел лица людей, услышал мордовскую речь. Деревня великого скульптора описывается скрупулезно, детально: «Всего одна улица в два порядка домов растянулась по склону большого оврага… на дне которого поблескивает светлый ручеек Перьгалей… Видать, не от добра когда-то осели здесь, у сухого оврага, эрзяне». Место у широкой заливной поймы заняли помещики, «…эрзян же загнали в сухой дол, где нет ни леса, ни травы» [1, *6*]. При прочтении данных строк возникает ощущение того, что автор сам здесь рос. Читатель как бы видит своими глазами ручеек, овраг, речку, растрескавшуюся от недостатка влаги землю, малопригодную для работы.

Говоря об этимологии названия родного села Степана Нефедова – Баева, писатель вводит в повествование собственные рассуждения-монологи, например: «…Эрзяне не помнят, почему их село называется Баево, может, от эрзянского слова “буй”. Есть много эрзянских селений, в названиях которых “буй” является частицей, определяющей принадлежность места: Орданьбуй, Куляз-буй, Тараз-буй. Могло случиться так, что само название выпало, а частица сохранилась. Живущие вокруг русские эту часть названия переиначили по-своему: бай. Потом и сами эрзяне стали произносить Баево. А может, все было не так. Ведь по среднему течению Волги и по Суре живут и эрзяне, и русские, и есть много русских селений с эрзянскими названиями и эрзянских – с русскими» [1, *6–7*].

В приведенном фрагменте романист не претендует на полную историческую достоверность. Он предполагает историко-этимологическую ситуацию возникновения поселения. Свидетельством данного утверждения служат выражения: «может, все было не так», «могло случиться так», «эрзяне не помнят» и пр. Абрамов ориентировался на ту территорию проживания эрзян, которая была зафиксирована в документах, где сказано, что Республика Мордовия расположена в центре европейской части России в бассейне реки Волги, на перекрестке важнейших путей из центра на Урал, в Сибирь, Поволжье, Казахстан и Среднюю Азию.

Национальный колорит трилогии выступает стержневой основой книги, органически проецируется на описание мордовского края, пейзажей, являющихся внесюжетными элементами, но играющих важную роль для раскрытия этнического своеобразия. Природа центральной части России в авторской речи – конкретный образ, с помощью которого изображаются нюансы действительности. Специфика отражения окружающей действительности состоит в том, что автор не использует приемы вы-

мысла, хотя это ожидаемо в художественном произведении. Он ограничивается домыслом, который усиливает реалистичность и самобытность повествования.

Природа находится в тесной связи с человеком труда, и, когда Абрамов говорит о ней, он не любуется ею, а «вкрапливает» в описание, например, беспокойство работника, человека-хозяйственника, для которого природа – мать: она кормит и от ее состояния зависит благополучие крестьянина.

На протяжении всего произведения Абрамов скуп на краски при описании природных явлений. Возможно, это объясняется тем, что ничего радостного в тот исторический период времени с людьми не происходило. Нищета, серость, убогость обстановки, в которой жил герой, – все это наглядно продемонстрировано в пейзажах. Так, представляя новое место проживания семьи Нефедовых, писатель отмечает: «Берег в этом месте был довольно крутой и высокий. Река называлась Бездна… За рекой темнел старый лес. На опушке стояли толстые, наверное, столетние дубы и липы. По эту сторону реки… начинается сосновый бор. Вниз по течению Бездны раскинулось поле, усеянное кустарниками и кущами деревьев. Узенькими полосками нераспаханной земли вилось оно между этими кущами, точно разорванные куски материи…» [1, *148*]. «Кустарники», «кущи», «разорванные куски материи», «нераспаханная земля» созвучны с социальным положением эрзян, которых поселили в непригодном для жилья месте.

В поэтике романной прозы Абрамова органично связываются воедино настроение природы и условия труда селян. Они как бы дополняют друг друга. Например, с большим участием к персонажам, с нескрываемой скорбью автор описывает ситуацию, связанную со стихией – половодьем на р. Бездна и с горем, которое разбушевавшаяся вода принесла в дом Нефедовых: «По лощине через двор вода несла большие льдины. Они ударялись о плетень, раскачивали его, потом, кружась, понемногу уходили в сторону. Над плетнем передний навес развалился, с крыши слетела солома и поплыла большими охапками вниз по течению. Не выдержав напора, вскоре свалился и плетень и стал кружиться в воде, точно огромная льдина» [1, *192–193*]. Усиливает трагизм стихии описание домашних животных, в ужасе толкавшихся под навесом. Писатель отчетливо понимает, что они для любого крестьянина означают определенный уровень благополучия в семье: от них зависит, будут ли дети накормлены, здоровы и радостны. «Неистово ревела скотина» в затопляемом дворе. Марья, «…как была, в одной рубахе, без пулая и в легком платке» выбежала спасать животных, рискуя собственной жизнью [1, *192*]. К счастью, все обошлось, и она даже не заболела. Однако скот был спасен.

Природа в понимании литератора может не только накормить человека, но и погубить все, что создано трудом людей. Кроме того, в данном фрагменте подчеркивается могучее здоровье эрзянок, которые неоднократно попадают в сложные ситуации, но выбираются из них благодаря смелости и физической силе.

Отметим, что природа в романе представлена в различные периоды. Абрамов при описании места действия систематизировано отражает четыре времени года: осень, зиму, весну, лето. Нередко он вводит в повествование собственные реплики, посредством которых читатель может природу «слышать», «обонять», «ощущать телесно». В большинстве случаев в авторских ремарках находится место для характеристики не только времени года, но и персонажей, их нелегкого труда. Благодаря этому такие категориальные понятия, как «труд крестьян» и «природа» в произведении сливаются, органично пересекаются в одной цельной детерминанте.

Например, изображая раннюю осеннюю пору, писатель уделяет внимание и погоде, и растительности. Подытоживая, он говорит о нелегком труде селян, о том, что все поля и огороды убраны… «Осень приближалась. Ночи стали по-настоящему холодными… над Перьгалей-оврагом до восхода солнца по утрам висел седой туман. Иногда он поднимался вверх, но чаще расстилался по земле и сверкающей росой оседал на листьях и на пожухлых травах».

Дальше, как бы продолжая наблюдать грустную картину осени, Абрамов пишет, что «трава в поле, на межах и вдоль дороги, потемнела, огрубела, сделалась колючей… И лишь пышные кусты татарника с большими лилово-красными цветами, сплошь усеянные острыми колючками, там и здесь горделиво возвышались над потемневшей стерней…» [1, *29*]. Одно небольшое, но емкое упоминание о стерне позволяет читателю представить убранные поля – знак того, что летние крестьянские работы закончились. У людей появилось немного времени для отдыха от тяжелого труда, пока «…рабочая страда с полей не переместилась на гумна».

Реалистично описаны «убранные конопляные поля», «сваленный в подпол на зиму картофель». Это совершенно объяснимо, поскольку детство писателя прошло в подобной бедной деревне, он так же с малых лет полол траву, сажал и выкапывал картофель, работал на гумне, где «над токами с утра и до вечера висели облака мякинной пыли» [1, *32*].

Органичная связь природы с трудовой деятельностью крестьян является одной из концепций первой книги романа. Согласно мировосприятию эрзян земля – священная стихия. Люди молились ей, боготворили, брали горсть родной земли с собой, уходя в далекие странствия и военные походы. Для Абрамова земля – олицетворение не только благополучия, но и родины. Трудно в этом смысле не согласиться с позицией С. В. Шеяновой, которая отмечает, что нередко судьбы героев в произведении определяются «…бытийными координатами – землей, трудом, природной средой. Основу полнокровной жизни персонажей писатель усматривает в физической и духовной слитности с ними. В этом заключена суть авторской философии, его осмысление триады “человек – труд – природа”». Актуализируя данный концепт, ученый продолжает: «…В романном дискурсе проявляется активное, преобразующее окружающий мир трудовое начало, однако живая среда не исчерпывается потребительским подходом к ней. В нарративе наблюдаются… лирические отступления, фиксирующие природу как одухотворенное существо, отражающие особенности национального анимистического мировосприятия» [12, *118*].

Национальное анимистическое мироощущение проявляется в следующем, «зимнем», фрагменте, в котором также соединены три «бытийные координаты». В этом отрывке рассказывается о подработке Степана на лесных вырубках. Физический труд был чужд герою, но ему приходилось много трудиться, как и всем членам его семьи. Тем не менее даже в описание тяжелой работы «врываются нотки» лиричности, возникшие при органическом слиянии с природой родного края: «Работая, он то и дело поднимал голову, поглядывая на заснеженные сосны и ели. Мороз, тишина, бледная, бездонная синь неба!.. Удары топоров раздаются по лесу звонко, гулко, а когда падает тонкая сухостоина, будто кашляет большой сердитый человек…» [1, *346*]. Писатель, не изменяя своей манере, акцентирует внимание на том, что природа в разное время года в различной местности способна прокормить человека. Однако на первый план автором выдвигается тема труда крестьянина, который в течение всего года вынужден работать, чтобы обеспечить питание семьи. Реализм повествования здесь достигается эмоциональностью и наличием тропов – метафор, эпитетов, приемов олицетворения.

Сравнив картины природы родной деревни и города в романе, можно отметить, что Абрамов более коротко, даже жестко описывает лето в Казани, где Степан работал подмастерьем у Ковалинского: «Дневная жара уже спадала, но город попрежнему был шумен и полон народу… А солнце, багровое и огромное, рассеченное тонкой полоской горящей по краям тучи, уже катилось по краю земли, небо лучилось насквозь – высокое и чистое, и, будто несомые ветром листья, скользили в вышине ласточки…» [1, *447*]. «Шум», «багровое солнце», «жара», «горящая туча» – этим писатель как бы готовит для Нефедова почву, подсказывая ему, что необходимо уехать из такого мрачного места туда, где светло, где все его мечты, планы, творческие фантазии осуществятся.

В подобном ракурсе изображен далекий от родной природы Эрьзи зимний московский пейзаж. В нем отсутствует первозданная прелесть, его черты жесткие, холодные: «В конце октября резко похолодало… Над бульварами и окраинными парками… висел мутновато-белесый дым – жгли опавшие листья. После обильных дождей… они еле тлели и неимоверно чадили. Воздух был насыщен запахом гари и паленого… К этому запаху примешивались еще и своеобразная и характерная вонь… для невзыскательных бедняков жарили, парили на жаровнях дешевую еду из ливера, потрохов и требухи» [1, *17*]. Используя слова «жгли», «вонь», «чадили», «тлели», «потроха», «требуха» и т. д., автор дает понять читателю, что большой город органически чужд герою. Сюда он стремился, чтобы найти людей, которые могут обучить его искусствоведческой науке. Его всегда тянуло к искусству, к красоте творений. Он хотел понять возвышенное, научиться делать шедевры собственными руками.

Осмысление реальных исторических условий в творчестве Абрамова глубоко и полно осуществляется сквозь призму национальных представлений о труде. Ассоциативные составляющие концепта «труд» присутствуют в образной системе писателя и служат раскрытию центральных тем и проблем произведения. Актуализация концепта помогает высветить все аспекты деревенского быта. В мордовских поселениях, в частности в эрзянских селах, все женщины вне зависимости от возраста ткали холсты. Данная особенность – ткачество перьгалейских женщин – также включена автором в повествование и отражена в небольшом фрагменте о природе. Любуясь ясным зимним пейзажем, он не преминул связать природное явление с результатами женского труда, используя при этом эпитеты и сравнения: «Мороз вышил на окнах свои узоры. Сквозь них просачивается розовато-молочный свет ясного солнечного дня. Там, за окнами, заснеженная улица, Перьгалей-овраг и ослепительно-белые пустынные поля… От окна на куски холста падает бледновато-розовый отсвет. Со стороны холст кажется снегом в лесу…» [1, *52*].

Чтобы донести до читателя идейное богатство своего сочинения, Абрамов стремится к совершенству не только художественной формы, но и стиля. Стилистическая неоднородность обнаруживается в рассказах о временах года. Если зима и осень описаны в сдержанных красках, лаконично и скуповато, то весна и лето – более насыщенно, эмоционально, непринужденно. Например: «Весна… была затяжной и холодной. Снег начал таять в середине марта и таял медленно; дневные оттепели перемежались ночными снегопадами. А когда растаял весь снег, земля просохла… Ударил мороз. Целую неделю свирепствовала настоящая зима…» [1, *68*]. Здесь динамично раскрывается смена «настроения» весны, и в этой динамике нашло отражение настроение главного героя, которому хочется вырваться из дома, где его буйная творческая энергия сковывается.

Рисуя весенние дни, писатель талантливо «пробуждает» природу, что сродни творческому пробуждению Степана, который в этот период времени находился на «учебе» в городе Алатыре: «Отзвенела светлая пасхальная неделя стройным перезвоном колоколов всех девяти алатырских церквей. Дни стояли ясные, теплые, быстро поднималась изумрудная травка, затягивая дворы и дороги мелким ковром». Используя сравнительные обороты, Абрамов продолжает: «В высоких березах уже ткался зеленый туман, и птицы несмолкаемо пели от зари до зари. Сура и река Алатырь разлились, точно море, заполнив водой всю низину под городом, и городская возвышенность, вся белая от цветущих садов, подобно полуострову, вдавалась в это море» [1, *318*]. Простота, доступность художественного изложения, соотнесенность пейзажа с представлениями героя о мире, искусстве, красоте определяются творческой требовательностью прозаика, его эстетическим чутьем, мерой его талантливости.

Ощущение родного края в трилогии всегда сопряжено с настроением главного героя. В зависимости от того, что он чувствует, каковы обстоятельства его жизни, меняется фон повествования. Так, эмоциональное напряжение нарастает при описа-

нии лета, когда Степан шагал из Алтышева в родную деревню. На его душе было сумрачно и тревожно: «Он начинал свой новый жизненный путь». Пейзаж органично перекликается с мыслями, чувствами персонажа: «В лесу было сумеречно и прохладно. Лишь изредка прорывались яркие лучи солнца сквозь густую листву деревьев и рассыпались в высокой придорожной траве…» [1, *258*].

Огромная заслуга Абрамова в том, что будучи знатоком эрзянской культуры он сумел продемонстрировать национальную картину мира этноса, показать в романе условия жизни и быта мордовских крестьян, в том числе какие дома они строили, как их обставляли, что ценили. Большое значение писатель придает изображению родного дома Нефедова, жилищ соседей, а также сеней, сарайчиков, чуланов, домашнего скота и пр. Казалось бы, не следует уделять столько внимания детализации, но именно детали, по мнению автора, помогают сформировать у читателя творческий образ главного героя, который смог выбраться из нужды, социального бесправия и стать ярким представителем высокого мирового искусства.

Элементы национальной самобытности наблюдаем в романе, начиная с завязки. Литератор вводит читателя в атмосферу, в которой Степан Эрьзя родился и прошли первые годы его жизни. Писатель подчеркивает, что у эрзян очень «редко увидишь саманную избу», они любят дома «деревянные, рубленные из толстых бревен». Ворота во двор «не плетневые, а из сосновых, гладко выстроганных тесин». Непременный атрибут поселения – церковь посреди села.

Доступно и натуралистично изображен дом Нефедовых. Автор детально, по-гоголевски скрупулезно, описывает его внешний вид: «Их изба, далеко не новая, но срубленная из бревен, с двумя окнами на улицу и третьим – во двор, еще послужит своим хозяевам. Большой двор обнесен ивовым плетнем. Его навесы крыты старой соломой и картофельной ботвой. Недалеко от ворот к плетню примыкает небольшой сарайчик. Забит он старыми санями, неошинованными колесами и всякой домашней утварью. Против избы растет большая старая ветла, раскинувшаяся до крыши. Под ней возвышается горловина картофельной ямы» [1, *8*]. Абрамов настолько точен и выразителен в определениях, что представить эту картину совсем не трудно.

На протяжении всего произведения автор с какой-то внутренней пронзительностью и печалью упоминает ветлу: «Все эрзянские села очень схожи между собой. Возле каждой избы обязательно растут ветлы, на каждом огороде почти всегда есть несколько яблонь, пусть даже диких, лесных» [1, *117*]. Это дерево, на наш взгляд, выступает своеобразным символом эрзянских поселений. Интересно, что яблочных, вишневых, сливовых садов в романе не отмечено. По-видимому, ветла, как самое неприхотливое дерево, издревле являлась частью культуры и быта эрзян, которые старались жить у рек. Кроме того, по воспоминаниям старожилов, в древности селяне, провожая на войну сородичей, сажали это дерево около избы в знак того, что человек останется жив и вернется домой.

Писатель упоминает ветлу даже тогда, когда Нефедовы переехали из Баева и Степан скучает по старому дому: «В Баеве ветреными вечерами шумела лишь ветла… – вспомнил Степан, и ему стало грустно. Почему, он и сам не знал. Может быть, оттого, что вспомнил ветлу, а с ней и свою избу. В это время он обычно находился на полатях и всматривался в свои рисунки на потолке. Много их там осталось…» [1, *146–147*]. Будучи еще мальчиком, Степан смутно чувствовал «родное дыхание» ветлы и почему-то связывал ее со своими рисунками, сделанными угольком на потолке. Абрамов фактографически точен, объективен, убедителен, правдив в подобных «природных» отступлениях.

«Тайна национальности каждого народа заключается в его манере понимать вещи», – писал В. Г. Белинский [3, *354*]. «Манера» эта, конечно, опирается на представления, вкусы, идеалы, быт, одежду, традиции, выработанные веками. Од-

нако она также подвержена постоянному развитию, беспрерывному изменению за счет необходимости соотносить новые явления и факты жизни с устойчивым историческим, психологическим, эстетическим опытом народа, приводить его в соответствие с современностью. Именно на этой основе развивается национальное самосознание народов, в том числе и художественное. Реализм повествования романа «Степан Эрьзя» опирается на правдивое, досконально-детальное изображение природы, окружающей обстановки, отчего дома, языка, быта, одежды – всего, что так хорошо знал писатель.

Заключение

Таким образом, роман-трилогия «Степан Эрьзя» К. Абрамова – это панорамное произведение, в котором объективно воссоздается и осмысливается картина национального мира мордовского народа, дающая представление о том, каковы были традиции, мифология, культура поведения, нравственные нормы, верования, фольклор этноса.

Своеобразие романа «Степан Эрьзя» заключается в том, что жизнь природы и общества, историческое прошлое и современность, поэтическое одухотворение и проза жизни – разные измерения действительности – раскрываются в произведении во всем их внутреннем многообразии, богатстве, сложности и противоречивости. Культурно-нравственные идеалы эрзян полно, опоэтизировано разворачиваются автором при описании «женского мира», этнической одежды, народных традиций. Знание реальной жизни мордвы, любовь к родным корням, проникновенность, чувственность, лиричность и поэтичность повествования – важные содержательные характеристики творчества К. Абрамова.

Поступила 24.04.2017

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамов К. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3: Степан Эрьзя: биогр. роман. Кн. 1 и 2 / пер. с морд.-эрзя Г. Максимова и Ю. Галкина. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1999. 528 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Москва: Яз. рус. культуры, 1999. 893 с.
3. Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 4 / под ред. С. И. Машинского. Москва: Худож. лит., 1979. 654 с.
4. Бердяев Н. А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Москва: Наука, 1990. С. 43–48.
5. Гоголь Н. В. Несколько слов о Пушкине // Собр. соч.: в 6 т. Москва, 1950. Т. 6. С. 34.
6. Есаулов И. Е. Национальное самосознание в русской классической литературе и его трансформации в отечественном литературоведении. URL: http://transformations.russian-literature.com/nacionalnoe-samosoznanie-v-russkoj-klassicheskoj-literature-i-ego-transformacii-v-iteraturovedenii (дата обращения: 15.12.2016).
7. Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики: этнологические аспекты. Москва: Индрик, 2013. 264 с.
8. Маковский М. М. Язык–миф–культура: символы жизни и жизнь символов. Москва: ВЛАДОС, 1996. 329 с.
9. Малкина Е. А. Национальный мир как художественная модель в литературах народов России: автореф. дис. … канд. филол. наук. Москва, 2008. 22 с.
10. Постовалова В. И. Начало и конец в православном миросозерцании // Логический анализ языка: Семантика начала и конца. Москва, 2002. С. 608–632.
11. Чернявская Ю. В. Народная культура и национальные традиции. Москва, 1998. 238 с.
12. Шеянова С. В. Современный мордовский роман: проблематика, поэтика: монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 284 с.
13. Эбаноидзе А. Л. Национальная специфика литературы – анахронизм или неотъемлемое качество? // Знамя. 2000. № 9. С. 202–213.

THE AUTHOR'S UNDERSTANDING OF THE NATIONAL PICTURE OF THE WORLD IN THE NOVEL "STEPAN ERZIA" BY K. ABRAMOV

ANTONOVA Vera I.,
Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism,
Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), belkich@rambler.ru

GOLIAKOV Andrei N.,
Post-graduate student, Department of Finno-Ugric Literature,
Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), moscow-kremlin777@list.ru

MISHANIN Iurii A.,
Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism,
Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), filfak.mgu@mail.ru

Introduction. The article emphasizes that the most important means of reflecting the appearance of Stepan Nefedov (Erzia) in the novel of the same name by K. Abramov was a deep, thoughtful reconstruction of the national picture of the world, socio-cultural, ethical and everyday background of the time when the sculptor lived. Scholars from many fields express great interest to the problem of the author's interpretation of the national picture of the world depicted in this work. A comprehensive analysis of this issue is of crucial importance for contemporary literature, since any artistic context requires a multidimensional study. The object of the research is a novel-trilogy about "Stepan Erzia" by K. Abramov, an original aesthetic phenomenon in the national and cultural discourse of Mordovia; the subject is the specific features of the individual and author's view on the national picture of the world in the novel in the context of national identity and ethnic outlook. The purpose of the work is to consider the nature of the author's interpretation of the national picture of the world in the novel "Stepan Erzia".

Materials and Methods. The empirical data of the paper is a novel-trilogy "Stepan Erzia" by K. Abramov. Reliability and academic validity of the results are ensured both by the use of traditional methods (comparative, typological, historical, etc.) and by modern approaches of the humanitarian profile to the study of specific artistic facts and images (contextual, cultural, informational, etc.). It is also provided by the large scale of the empirical base of the research, compiled with the help of a representative selection of the source material and its subsequent correct interpretation as well as the correlation of author's hypotheses with universally recognized ideas and conclusions in the field of history, theory and practice of literary criticism, considering specific features of historical and biographical works.

Results and Discussion. Analyzing the national originality of K. Abramov's work, we can conclude that any ethnic group, any cultural integrity possess "national mindset", predetermining the national outlook on the world. In accordance with the hypothesis, the authors' understanding of the national outlook of the world as if a conscious idea of the world, mythology, philosophy, language, ethnology, folklore of a particular nation, the way of its social, economic, family life, which are formed under the influence of an epoch, environment, habitat conditions, cultural and historical development, psychological features of the national character, the influence of religious systems, etc.

Conclusion. The novel-trilogy "Stepan Erzia" shows the national worldview of K. Abramov, reflects his private, personal "I" as well as ethnic and mental nature of the nation, its picture of the world. The writer's national consciousness and his worldview established the socio-cultural basis of the ethnic stylization of the work. The form of this phenomenon can be seen though the systematics of the novel (from the plot to the compositional component), as well as the characters which embodied the national essence.

Key words: The author's comprehension; world view; literature; nation; identity; problem; unique culture; novel.

For citation: Antonova VI, Goliakov AN, Mishanin IuA. Avtorskoe osmyslenie natsional'noi kartiny mira v romane K. Abramova «Stepan Er'zia» [The author's understanding of the national picture of the world in the novel "Stepan Erzia" by K. Abramov]. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2017; 2: 6–19. (In Russian)

REFERENCES

1. Abramov K. Sobranie sochinenii: v 7 t. T. 3: Stepan Erzia: biogr. roman. Kn. 1 i 2 [Collected works: in 7 vol. Vol. 3: Stepan Erzia: biography novel. Book 1 & 2]. Saransk; 1999. (In Russian)
2. Arutiunova ND. Iazyk i mir cheloveka [Language and the world of man]. Moskva; 1999. (In Russian)
3. Belinskii VG. Sobranie sochinenii: v 9 t. T. 4 [Collected works: in 9 vol. Vol. 4]. Moskva; 1979. (In Russian)
4. Berdiaev NA. Russkaia ideia: osnovnye problemy russkoi mysli XIX veka i nachala XX veka [The Russian idea: basic problems of Russian thought the XIX century and early XX century]. *O Rossii i russkoi filosof-*

skoi kul'ture = About Russia and Russian philosophical culture. Moskva; 1990: 43–48. (In Russian)
5. Gogol' NV. Neskol'ko slov o Pushkine [A few words about Pushkin]. *Sobr. soch.: v 6 t.* = Collected works: in 6 vol. Moskva; 1950; 6: 34. (In Russian)
6. Esaulov IE. Natsional'noe samosoznanie v russkoi klassicheskoi literature i ego transformatsii v otechestvennom literaturovedenii [National identity in the Russian classical literature and its transformation in the Russian literature]. Available from: http://transformations.russian-literature.com/nacionalnoe-samosoznanie-v-russkoj-klassicheskoj-literature-i-ego-transformacii-v-literaturovedenii (accessed 15.12.2016). (In Russian)
7. Zakharov VN. Problemy istoricheskoi poetiki: etnologicheskie aspekty [Problems of historical poetics: ethnological aspects]. Moskva; 2013. (In Russian)
8. Makovskii MM. Iazyk–mif–kul'tura: simvoly zhizni i zhizn' simvolov [Language–myth–culture: symbols of life and the life of symbols]. Moskva; 1996. (In Russian)
9. Malkina EA. Natsional'nyi mir kak khudozhestvennaia model' v literaturakh narodov Rossii: avtoref. … dis. kand. filol. nauk [National world as an art model in the literatures of the peoples of Russia. Abstract of cand. philol. sci. dis.]. Moskva; 2008. (In Russian)
10. Postovalova VI. Nachalo i konec v pravoslavnom mirosozercanii [The beginning and the end in the Orthodox world view]. *Logicheskii analiz iazyka: Semantika nachala i kontsa* = Logical analysis of language: Semantics of the beginning and end. Moskva; 2002: 608–632. (In Russian)
11. Cherniavskaia IuV. Narodnaia kul'tura i natsional'nye traditsii [Folk culture and national traditions]. Moskva; 1998. (In Russian)
12. Sheianova SV. Sovremennyi mordovskii roman: problematika, poetika: monografiia [Modern Mordovian novel: problems, poetics: monograph]. Saransk; 2013. (In Russian)
13. Ebanoidze AL. Natsional'naia spetsifika literatury – anakhronizm ili neot"emlemoe kachestvo? [National identity literature – an anachronism or an inherent quality?]. *Znamia* = Banner; 2000; 9: 202–213. (In Russian)